

чем крупные. Так, например, с 1960 по 1990 гг. ВВП США вырос в 10,8 раза, в то время как в малых странах Западной Европы — почти в 20 раз⁶.

Анализ специфики экономического развития малой страны представляет для Беларуси не только теоретический, но и сугубо практический интерес. С переходом союзных республик на новый статус большинство из них (в том числе и Беларусь) превратились в малые страны. Одной из важнейших задач таких стран становится отыскание путей сбалансированного экономического и политического развития. Изучение позитивного и негативного экономического опыта других государств позволит избежать многих ошибок, ориентироваться на очевидно успешные мероприятия по выводу хозяйства из кризисного состояния, более взвешенно и обоснованно строить свою экономическую политику.

Успех проведения сравнительного анализа в конечном счете зависит от верного выбора объектов сопоставления и от правильного учета поправок на исторические и культурные особенности. В этой связи определенный интерес представляет распределение стран на плоскости факторов Φ_1 и Φ_2 . В таком случае деление государств по их размерам (фактор Φ_2) дополняется характеристиками уровня экономического развития (фактор Φ_1).

При графическом представлении распределения стран на плоскости факторов выделяются места «скопления» государств. Так, для Беларуси (55) ближе всего по экономическому потенциалу такие малые государства, как Греция (65), Португалия (68), Болгария (71), Венгрия (67). Конечно же, наша классификация на основе шести отобранных исходных показателей во многом беднее действительности и нуждается в дополнительном исследовании с привлечением таких критериев, как культурная традиция, развитость рыночной инфраструктуры, состояние финансовой и правовой системы, характеристики рабочей силы, технологии производства, условия труда и др. Некоторые из этих критериев не поддаются количественному определению и тогда требуется гибкое сочетание количественных методов факторного анализа с традиционными качественными методами историко-культурных и социально-экономических исследований.

В целом же проведенное исследование показывает, что применение факторного анализа для определения малой страны позволяет, на наш взгляд, получить более точные количественные характеристики масштабов государства, в том числе и по уровню экономического развития, не учитываемого при классификации стран, основанной только на территориально-демографических показателях. Знание особенностей малой страны позволит выработать свой, особый, путь экономического развития, который поможет преодолеть проблемы «малой экономики» и полнее использовать ее преимущества.

¹ См.: Малые страны Западной Европы. М., 1972.

² См.: З и м и н Б. Н. // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1976. Вып. 2.

³ См.: Типология несоциалистических стран (опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств). М., 1976.

⁴ И л л а р и о н о в А. // Вопросы экономики. 1992. № 4—6.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Статистический ежегодник. М., 1991. С. 68 и след.; Страны мира: краткий политико-экономический справочник. М., 1991.

⁶ См.: Тенденции мирового экономического развития: Обзор за 1990 и начало 1991 г. М., 1991. С. 88; Ekonomická strategia malých európskych hospodársky vyspelých krajín // Ekonomický časopis. 1990. № 11. С. 962 — рассчитано авторами.

М. В. НАУЧИТЕЛЬ, Б. В. СОРВИРОВ

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ГЕРМАНИИ (критический аспект)

Современная экономическая мысль Германии, как и других стран Запада, представлена рядом различных направлений и школ. Но в связи с благоприятной экономической конъюнктурой 80-х гг. укрепились позиции официальной экономической доктрины, опирающейся на обновленные постулаты неоллиберализма и идеи неоконсерватизма. Этому способствовали такие объективные обстоятельства, как необходимость структурной перестройки постиндустриального общества и потребность в создании «особых механизмов сохранения капиталистической

системы»¹. Не удивительно, что многие исследователи сосредоточили свое внимание прежде всего на изучении истоков и содержания немецкого неоконсерватизма. Однако не остаются без внимания и другие направления экономической мысли, прогнозирующие ближайшие и более отдаленные перспективы развития общества. В их числе — экономическая концепция левых радикалов, влияние которых в последнее десятилетие заметно возросло.

Появление леворадикальных идей в ФРГ в 70-е гг. не вызвало большого интереса, поскольку многие восприняли это явление как преходящее, не имеющее перспектив. Но произошло непредвиденное: левый радикализм укреплял свои позиции и расширял влияние. Изучением этого научного направления был вынужден заняться, по поручению ХДС, Институт социальных наук Фонда Конрада Аденауэра в Бонне. Руководство ведущей буржуазной партии ФРГ было озабочено ростом влияния левого радикализма в обществе, необходимостью реального сопоставления его концепции с господствующей неоконсервативной доктриной, выявлением возможных позиций для конструктивного диалога. «Нужно переосмыслить, — писал Г. Рормозер, — само понятие консерватизма применительно к новой исторической ситуации и новому соотношению сил. Традиционный антагонизм между консервативным и прогрессивным исчез, само понятие консервативного становится другим, поскольку консерваторы есть и среди участников демократического движения»².

Социальная база леворадикального движения в ФРГ обширна и разнообразна. Его идеям симпатизируют различные слои населения: студенчество, научные работники, лица свободных профессий, представители средних слоев, утратившие свой достаток и социальный статус в результате волны банкротств и увольнений, обрушившихся на страну в 70-е гг., мелкие производители. Обращение левых радикалов к общечеловеческим ценностям, провозглашаемые ими приоритеты привлекают на их сторону участников других течений демократического движения, включая «зеленых», социал-демократов, коммунистов, некоторых буржуазных ученых, не удовлетворенных деятельностью своих партий.

В развитии левого радикализма в ФРГ немецкие исследователи Р. Юнг и Р. Эккерт выделяют два этапа, различающихся по идеологическим и экономическим установкам, методам политической борьбы. Первый из них — этап становления, начавшийся в 70-е гг. Экономическая концепция левого радикализма в это время формировалась под сильным влиянием «новых левых» («неомарксистов»), отвергавших возможность какого бы то ни было реформирования буржуазного общества. Дистанцируясь постепенно от крайних взглядов «новых левых», представители левого радикализма в экономической теории Б. Рабель, Р. Бургер, К. Корш, Й. Краль, Р. Дучке продолжали тем не менее резко критиковать как капиталистическое общество, так и «социализм» в бывшем СССР и странах Восточной Европы.

Второй этап развернулся в конце 70-х гг. Он отличается заметными сдвигами в политической линии и теоретических установках. В это время повышается внимание к экономической теории, поскольку многие леворадикалы пришли к выводу, что без собственной социально-экономической концепции движение существовать не может. К тому же в 1975 г. произошло их организационное объединение в рамках «Альтернативной экономической политики», которая с 1977 г. ежегодно обнародует свою теоретическую платформу — «Меморандум», отражающий соответствующий спектр социально-экономических взглядов. По мнению немецких исследователей, именно с этого момента наряду с традиционными направлениями неоконсерваторов и посткейнсианцев заявили о себе экономисты, действительно представляющие альтернативную концепцию. Левые радикалы потребовали проведения социальных реформ, отвергли бездушные и бюрократизм государственных и монополистических структур, выдвинули идею демократии и равенства на основе ликвидации крупного капитала, восстановления мелкого предпринимательства и производства. В качестве альтернативы существующему строю и капиталистической организации производства ученые-леворадикалы В. Розенбаум, Р. Дамус, Р. Нойман и др. предложили общественное устройство на основе концепции «демократического участия», близкой по содержанию к социал-демократической концепции «социализм участия». Идея социализма присутствует и здесь, причем под социализмом, по словам Р. Дучке, надо понимать «не время флагов и знамен. Цель и сущность социализма скорее являются прямым путем в направлении свободы...»³

В конце 80-х гг. в эволюции левого радикализма ФРГ намечаются признаки нового сдвига в области теоретического обоснования целей и программных

установок движения. Это проявилось в стремлении уйти от туманных и абстрактных толкований будущего, в сближении с действительностью, в разработке и обосновании путей построения нового общества. В связи с этим наметился новый этап развития концепции левого радикализма, для которого характерна тенденция к взаимодействию с другими демократическими течениями, как в рамках альтернативного движения ФРГ, так и за ее пределами. Об этом свидетельствуют появившиеся в последнее время концепция «ориентирующей утопии» и «Хартия экономических и социальных прав человека»⁴.

Левый радикализм в ФРГ неоднороден. В нем сосуществуют различные, порой малосовместимые взгляды и позиции. Среди них четко обозначились три основных течения: прагматическое (Э. Альтфатер, Р. Дамус, В. Онкен, В. Розенбаум), умеренное (У. Брифе, К. Лугц, У. Симонис, П. Хорст) и ультралевое (Й. Краль, У. Майнхоф, О. Ульрих). Внешние границы левого радикализма весьма размыты и он не представлен в боннском картеле партий, хотя его сторонники в рамках общего альтернативного движения тяготеют к «зеленым», демократическим социалистам и др. По мнению А. Бёниша, политическое пространство леворадикалов простирается от социал-демократов и радикально настроенных либералов — справа до коммунистов — слева. Концепция левого радикализма, по замыслу ее сторонников, должна, исходя из критического анализа современного общества, дать ответ на вопрос о том, какая модель общественного устройства наиболее соответствует их идеалу и каковы пути ее достижения. В ней преломилось стремление понять современные процессы и, исходя из приоритета общечеловеческих ценностей, определить контуры оптимальной модели экономической организации, отвечающей условиям и потребностям нового витка в развитии производительных сил, очередного этапа НТР, которая соответствовала бы эволюционному преобразованию существующего общества. Амплитуда колебаний в понимании и толковании этих вопросов у теоретиков левого радикализма весьма велика и их едва ли можно свести к общему знаменателю. Вместе с тем парадигма леворадикалов, основы которой исследователи связывают с мелкобуржуазными концепциями, с отдельными положениями институционалистов, с трудами К. Маркса, по мнению А. Эпфельбаума, резко контрастирует с неолиберальной доктриной социального рыночного хозяйства.

За гуманизацию капитализма посредством социальных мер выступают и неоконсерваторы, но при условии, что государство не будет брать на себя всю тяжесть социальной защиты, как того требуют левые радикалы. «Человек, окруженный опекой, — говорит профессор Г. Шельски, — теряет самостоятельность. Возникают завышенные притязания, превосходящие реальные права, и пренебрежение обязанностями. Растет недовольство своим социальным положением, обостряется зависть. А поскольку каждый полагается на «государство всеобщего благоденствия», то люди утрачивают милосердие, готовность самим помочь нуждающемуся»⁵. Считает чрезмерным притязания леворадикалов на предоставление больших свобод человеку и профессор Штутгартского университета К. Хорнунг, обвиняя их в утопизме.

И все же проблема социального идеала у теоретиков левого радикализма остается весьма схематичной и слабо разработанной. В своих построениях они отходят от анализа объективных процессов, апеллируя в основном к абстрактно-гуманистическим ценностям. Новый экономический строй они рассматривают как торжество демократии, свободы, справедливости и сотрудничества. В последнее время провозглашаются не только общие гуманистические принципы как основа общественного устройства, но и выдвигаются конкретные социально-экономические требования. Так, представители умеренного крыла (Р. Хиккель, Г. Шуи и др.) включили в мероприятия по улучшению жизненного уровня населения: 1) расширение производства материальных благ; 2) расширение и качественное улучшение бесплатных услуг; 3) сокращение индивидуального рабочего времени, а значит, и расширение возможностей совершенствования индивида⁶.

События конца 80 — начала 90-х гг., связанные с крушением «социализма» в странах Восточной Европы и СССР, дали новый импульс активизации концептуальных изысканий леворадикалов ФРГ, встревоженных тем, что бывшие страны социалистического содружества ринутся в объятия капитализма. В качестве альтернативы теоретики левого радикализма выдвинули концепцию «свободно-демократической утопии» или «ориентирующей утопии» как модели общественного устройства, вобравшего в себя все лучшее от капитализма и социализма. От первого — свободное предпринимательство

как результат свободы индивида; а от второго — подчинение экономики социальным интересам, интересам человека.

Большое место в концепции леворадикалов отводится проблемам рынка, рыночных отношений, их преобразованию. Несмотря на различия в оценках они исходят из того, что капитализм с его свободным рыночным хозяйством, хотя и дал людям больше свободы, обеспечил для многих высокий уровень жизни, однако он не в состоянии избавить общество от безработицы, нищеты и голода, решить глобальные проблемы цивилизации. Выдвигаются две точки зрения на роль рынка в становлении новых социально-экономических структур: 1) реформирование существующих рыночных отношений и механизма рынка; 2) радикальное преобразование рыночных структур на основе их симбиоза с авторитарными системными элементами в виде жесткого государственного регулирования и централизованного планирования.

Проблемы преобразования рыночных отношений изложены, например, в письме группы ученых-радикалов «Реформаторам Восточной Европы». Авторы письма В. Онкен, Р. Гайтман, Г. Ланге, Г. Вайткампф и др. считают, что рынок по своей сути не является ни феодальным, ни капиталистическим. Это прежде всего свободная общественная форма, способствующая развитию производства и повышению его эффективности. Его не следует воспринимать как панацею от всех экономических и социальных бед. Являясь последователями модели посткапиталистической рыночной экономики С. Геселя, авторы письма считают основной движущей силой рыночных отношений не свободную конкуренцию и предпринимательскую инициативу, а денежные отношения — своеобразный инструмент власти. Рассматривая преобразование финансов как важнейший элемент в системе реформирования рыночных отношений, они предупреждают о недопустимости крупных денежных накоплений частными лицами и распространения валютных спекуляций, относя к разряду «первичного зла» и взимание процента. В. Онкен и другие теоретики прагматического крыла, понимая, что запрет денежных накоплений и взимания процента не реален, предлагают ввести плату за хранение денег в банке, уподобив ее штрафу, что обеспечит единый подход к денежным знакам, товарам и рабочей силе, постоянное нахождение денег в обращении и избавит их от обесценивания. Преобразованный таким образом рынок, по их мнению, будет оказывать благотворное воздействие на динамику общественного прогресса, так как, «если деньги не приносят процентов, они становятся в большей степени нейтральными, не влияющими на разделение доходов и имущества», но «со снижением процентов начинается процесс экономического роста»⁷. Такую иллюзорную, далекую от реальной картину преобразования рыночных отношений представили леворадикалы. В ней прослеживается влияние идей мелкобуржуазной политэкономии и современного монетаризма.

Концепция свободно-демократического развития, представленная сторонниками умеренного направления левого радикализма К. Лутцем, Х. Шуи и др., акцентирует внимание на демократизации рыночных отношений и жизни общества, на создании условий для участия трудящихся в управлении производством. Путь к этому, по их мнению, лежит через самоорганизацию и самоуправление, через всестороннее развитие «ожидающих структур». Рынок как надежная регулятивная система, отделяющая экономическую власть от политической, является в то же время наиболее близким и устойчивым способом самоорганизации. Но рынок может играть такую роль только тогда, если люди воздействуют на него в нужном направлении, твердо зная, чего они хотят. В противном случае рыночное хозяйство превратится в «самопожирающую машину», закабаляющую общество, вместо того, чтобы ему служить⁸.

Исходя из того, что рынок на деле никогда не бывает абсолютно свободным и не выполняет идеально всех возложенных на него задач, теоретики левого радикализма считают возможным сочетать различные смешанные формы рыночных отношений с демократическими и авторитарными системными элементами, включая рыночные механизмы и жесткое централизованное планирование. Ратуя за оптимальное сочетание планирования и самоорганизации, невмешательство в механизм ценообразования и разумный контроль над ценами, свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и валюты, К. Лутц, П. Хиккель и др. видят в этом сущностные характеристики нового строя и основной механизм регулирования хозяйственной жизни. Однако они выступают не за любое планирование. Причисляя себя к сторонникам генетического направления в планировании, леворадикалы отвергают так называемое телеологическое направление, характер-

ное для бывших соцстран. К тому же они сторонники рыночного механизма хозяйствования, опирающегося на изучение стихийных процессов, всесторонний учет конъюнктуры, широкое использование информации. Доктор К. Лутц, например, считает, что ни «механическое» планирование, ни рынок сами по себе не являются работающей системой. По его мнению, производственную деятельность необходимо координировать на муниципальном и фирменном уровнях при участии трудящихся и организации контроля со стороны рабочих. Признается необходимость разработки и реализации государственных программ, воздействующих на макроэкономические (отраслевые и региональные) условия хозяйственной деятельности предприятий с помощью финансовых и кредитно-денежных механизмов⁹.

Таким образом, в совершенствовании рыночных отношений теоретики левого радикализма видят один из главных факторов обеспечения разумных интересов людей, свободы личности, всестороннего развития индивида, прогрессивного преобразования общества. Их подходы к решению рыночных проблем показывают, что прогнозируемые структуры нового общественного строя во многом связываются с преодолением границ свободной рыночной экономики и внедрением в практику стратегического планирования. Становление демократического планирования связывается с укреплением и консолидацией государственной и кооперативной собственности, причем приоритет отдается последней.

Большое место в доктрине левых радикалов отводится обоснованию мер по улучшению условий труда, борьбе с безработицей. Главным направлением в решении этих проблем считается уменьшение рабочего времени путем сокращения рабочей недели (как правило, до 36 ч, хотя есть предложения и до 20 ч), увеличение отпусков и снижение пенсионного возраста. Такие меры, вероятно, могли бы способствовать сокращению безработицы, но лишь в краткосрочном аспекте, ибо, как отмечается в «Хартии экономических и социальных прав человека», дальнейшее сокращение рабочего времени возможно лишь на основе достижений очередного этапа НТР.

Итак, экономическую концепцию левого радикализма ФРГ нельзя оценивать однозначно. Несомненно, она содержит рациональные зерна, рациональные выводы и предложения, заслуживает тщательного изучения. В то же время она содержит и элементы утопического романтизма. Вместе с тем стремление леворадикалов не только создать свою экономическую концепцию будущего социально-экономического устройства, но и обновить ее, найти необходимые механизмы и инструменты для осуществления на практике может быть весьма перспективно.

¹ Френкин А. А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990. С. 5.

² Rohmose G. Der Abschied von der Macht. Stegen; Freiburg, 1989. S. 10.

³ Dutschke R. Versuch, Lenin auf die Füsse zu stellen. Berlin (West), 1984. S. 7.

⁴ См.: Horst P. // Mehrheit Links von der CDU. Köln, 1989. S. 47.

⁵ Engels W. // Böhrer C., Jahn W., Kronnenwett E. Innenpolitik und politische Theorie. Opladen, 1990. S. 245.

⁶ См.: Hickel R., Huffschild J., Schui H. Wirtschaftspolitische Alternativen links von der CDU. Köln, 1989. S. 185.

⁷ Онкен В., Беба Х. и др. // Эко. 1991. № 4. С. 35.

⁸ См.: Industriemagazin. 1989. Juni. S. 7.

⁹ См.: Die Neue Gesellschaft. 1988. № 8. S. 598.